

О. А. БЕЛОБРОВА

Об иллюстрациях Н. С. Гончаровой к немецкому переводу «Слова о полку Игореве»

В 1923 г. в Мюнхене в издательстве «Орхис» вышло в свет «Слово о полку Игореве» в немецком переводе Артура Лютера.¹ Книга была выпущена в количестве 700 нумерованных экземпляров.² Художественное оформление книги и иллюстрации к тексту выполнила Н. С. Гончарова (1881—1962).³ Созданные и опубликованные вне России (художница жила с 1915 г. в Париже), эти иллюстрации почти неизвестны в бывшем СССР, поскольку тираж не получил здесь распространения. Показательно, например, что мюнхенское издание «Слова о полку Игореве» отсутствует в таких крупных книгохранилищах Санкт-Петербурга, как БАН, ГПБ, Научные библиотеки Академии художеств, Гос. Эрмитажа, Театрального института, Пушкинского Дома. Тем не менее немецкий перевод А. Лютера был учтен в предвоенной Библиографии изданий «Слова» В. П. Адриановой-Перетц (правда, здесь не отмечено наличие иллюстраций).⁴ Отсутствие мюнхенского издания «Слова» в распоряжении специалистов не могло не сказаться на его судьбе. Книгу мало кто мог подержать в руках, увидеть своими глазами, перелистать, подумать о соотношении текста и изображения. В результате образовалась лакуна: мы не можем назвать ни одного профессионального отзыва о графическом цикле Н. С. Гончаровой 1923 г. в современной ему советской художественной критике. Исключение составляет рецензия Н. П. Жинкина, в которой при разборе перевода автор не скрывает своего неприятия иллюстраций Н. С. Гончаровой. Он отмечает в них черты модернизма и конструктивизма,

¹ Die Mâr von der Heerfahrt Igors / Der ältesten Russischen Heldendichtung Deutsch nachgedichtet von Arthur Luther. Im Orchis Verlag München erschienen in Jahre 1923. Цитаты данного перевода публиковались в статьях: Жинкин М. П. Новый перевод «Слова о полку Игореве» // Литературный архив. Харків, 1931. Книга 1—2. С. 178—190; Штурм Г. К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 163—169.

² На последней странице книги читается: Diese erste illustrierte Ausgabe von Igors Heerfahrt ist in einer numerierten Auslage von 700 Exemplaren von den eigenen Buchwerkstätten der Allgemeinen Verlagsanstalt München gedruckt und gebunden worden. Die Nr 1—100 sind Ganzpergament bände, die Nr 101—700 Halbpergament bände. Далее приводится конкретный номер: Dieses Exemplar hat die Nummer... Нами привлекались экземпляры № 132 (Научная библиотека МГУ) и 632 (Научная библиотека Гос. Русского музея).

³ На с. 4 читается: Illustrationen und Ornamente Copyright 1924 by N. Gontcharowa. Text und Illustration nach-druck nur mit Genehmigung des Verlages.

⁴ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований / Сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1940. С. 30.

условность и стилизацию, считая, что все это уводит читателя от эпохи Игоря Новгород-Северского и обращает его к времени Игоря Северянина. Н. П. Жинкина шокируют «футуристические формы» при передаче солнечного затмения, не вызывают удовлетворения и образы Бояна и особенно Ярославны. Вместе с тем рецензент заметил обращение Н. С. Гончаровой к старым миниатюрам, в частности «готический тон» в титульном листе, театрологический стиль некоторых рисунков и передачу динамики событий «Слова». В результате Н. П. Жинкин признает высокое художественное значение как перевода, так и всего издания — несмотря на отмеченные им дефекты «перекладу и иллюстраций».⁵

Позднее, в период печально известной «борьбы с космополитизмом», перевод А. Лютера и оформление Н. С. Гончаровой получили резко отрицательную оценку. Видимо стремясь отмежеваться от «буржуазного мира», В. Д. Кузьмина, весьма авторитетный филолог, обрушилась на идейные позиции А. Лютера со ссылкой на его комментарии к немецкому переводу «Слова», а затем, гораздо резче и злее Н. П. Жинкина, упрекнула «рисунки» Н. С. Гончаровой за «печать фальсификации», за модернизм и условность, за искаженный «самый облик персонажей», за «азиатский» колорит, за дезориентацию западноевропейского читателя и т. д.⁶ Несколько позднее, в 1950 г., в том же духе оценены иллюстрации Д. С. Стеллецкого (они не изданы) и Н. С. Гончаровой в беглом обзоре П. Н. Попова: здесь художницу упрекают в следовании «лженародным современным примитивам», в поисках «не прогрессивных, а реакционных сторон прошлого», с присущими им чертами как «болезненность и уродство». «Буржуазным» иллюстраторам П. Н. Попов достаточно произвольно противопоставляет «оптимистичное, бодрое, живое, красочное повествование» у палешанина И. И. Голикова.⁷

Приведенные примеры различий категоричных и в сущности ничуть не доказательных оценок графического цикла Н. С. Гончаровой показывают, что он остается непонятым и попросту неизвестным на родине автора.

В то же время еще в 1929 г. Марина Цветаева (запальчиво заявившая, что ей вообще «картинки не надо», поскольку она поэт) оставляет лаконичный, но выразительный отзыв: «...славлю Гончарову за Игоря».⁸ Но этот отзыв поэтессы попал в круг внимания отечественной интеллигенции только через сорок лет — в 1969 г.⁹

Не приходится удивляться, что в «Истории русского искусства» иллюстрации Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве» вообще не упоминаются.¹⁰ А между тем две репродукции с них были помещены в изданном Учпедгизом пособии, составленном О. А. Пини (по инициативе и под редакцией Д. С. Лихачева).¹¹ Это было редкое по полноте привлеченного

⁵ Жинкин М. П. Новый переклад «Слова о полку Игоревім». С. 179—180.

⁶ Кузьмина В. Д. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы // Слово о полку Игореве: Сб. статей / Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 14—15.

⁷ Попов П. Н. «Слово о полку Игореве» в изобразительном искусстве XIX—XX вв. // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 458—478.

⁸ Цветаева М. И. Наталья Гончарова // Воля России. Прага. 1929. № 8—9. С. 120. Ср. сокращенное переиздание: Ruski arhiv. Beograd, 1929. Ср. перепечатку полного текста: Цветаева Марина Избр. проза. 1917—1937: В 2 т. New York, 1979. Т. 1. С. 283—340 (приведенная цитата на с. 338). Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю. В. Герасимовой за ценные библиографические справки о творчестве Н. С. Гончаровой.

⁹ Цветаева М. И. Наталья Гончарова. Жизнь и творчество // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 144—201 (приведенная цитата на с. 199—200).

¹⁰ М., 1969. Т. 10, кн. 2.

¹¹ Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах / Сост. О. А. Пини. Л., 1958. С. 178.

материала предприятие. Опубликованные здесь репродукции — обложка книги и один из декоративных листов — долго оставались единственными образцами оригинальной работы художницы.

Только к юбилейной дате — к 800-летию похода князя Игоря — в нашей периодической печати стали появляться воспроизведения некоторых иллюстраций Н. С. Гончаровой к мюнхенскому изданию «Слова».¹²

На одном из юбилейных заседаний 1985 г. в Москве Г. Г. Поспелов, автор статьи о наследии Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова,¹³ в обзоре иллюстративного материала на тему «Слова» демонстрировал диапозитивы с листов книги, оформленной и иллюстрированной Н. С. Гончаровой. Так графический цикл художницы более чем через 60 лет после создания стал наконец привлекать внимание в России.¹⁴ Впрочем, и западные биографы Н. С. Гончаровой сравнительно недавно обратились к мюнхенскому изданию «Слова о полку Игореве»,¹⁵ что легко объяснить вслед за Е. Эганбюри большей известностью мастера как театрального художника, автора эскизов декораций и костюмов к спектаклям «Русских сезонов» в Париже.¹⁶

Мы не располагаем сведениями, каким образом Н. С. Гончарова получила заказ на иллюстрирование немецкого перевода «Слова о полку Игореве».¹⁷ Можно предположить, что переводчик А. Лютер (он родился в России, в Орле, жил и в Москве) после переезда в Германию поддерживал контакты с русскими, осевшими в Париже. Живший в детстве также в Орле писатель Жозеф Кессель в 1926 г. издал в Париже свой рассказ «Le

¹² Например, обложка книги воспроизведена С. С. Бычковым в «Литературном обозрении» (1985. № 11. С. 92); цветная репродукция разворота листов (с. 24—25 оригинала) помещена Ю. Селиверстовым в «Детской литературе» (1985. № 9. С. 21); семь репродукций (по оригиналу с. 13, 14, 20, 30, 38, 39 и 44) сопровождают статью С. Кайдаш в «Науке и религии» (1986. № 3. С. 22—27) и т. д. Три иллюстрации воспроизведены на вкладышах юбилейного выпуска «Альманах библиофила» (М., 1986. Вып. 21, полосы 5 и 6); здесь одна иллюстрация перевернута слева направо, подписи произвольны, ошибочна дата (1924 г. вместо 1923 г.).

¹³ Поспелов Г. Г. Наследство Гончаровой и Ларионова // Наше наследие. 1990. № 1(13). С. 152—155, с илл.

¹⁴ Следует отметить преобладание интереса к раннему творчеству Н. С. Гончаровой в работах Н. И. Харджиева (Искусство книги. М., 1968. Вып. 5. С. 311), Д. Сарабянова (Огонек. 1988. № 17. С. 8 и 25, илл.), Е. Ф. Ковтуна (см.: Kowtun J. F. Die Wiedergeburt der künstlerischen Druckgraphik. Dresden, 1984; Ковтун Е. Ф. Русская футуристическая книга. М., 1989), Е. В. Баснер, Е. Б. Овсянниковой и др. Недавно предпринято переиздание предисловия Н. С. Гончаровой к каталогу выставки 1913 г. (Михаил Ларионов. Наталья Гончарова. Александр Шевченко. Об искусстве. Серия «Из архива Русского Авангарда». Л., 1989. С. 25—31). Теперь можно встретить репродукции «Четырех евангелистов» Н. С. Гончаровой, 1910 г., например, в книжке, изданной Госполитиздатом (Бессонов М. Н. Православие в наши дни. М., 1990).

¹⁵ Характеристику цикла (технику, колорит, ряд аналогий) находим в работах М. Шамот, в частности в ее монографии: Chamot Mary. Goncharova. Stage Designs and Paintings. London, 1979. Упоминаются иллюстрации Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве» и в словаре Фоллмера: Vollmer H. Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler des XX. Jahrhunderts. Leipzig, 1955. Bd 2. S. 272.

¹⁶ Эта часть художественного наследия Н. С. Гончаровой, пожалуй, более всего известна в России, поскольку сохранились эскизы в театральных музеях Москвы, Санкт-Петербурга. См.: Пожарская М. Н. 1) Русское театрально-декорационное искусство конца XIX—начала XX века. М., 1970; 2) Русские сезоны в Париже. Эскизы декораций и костюмов 1908—1929. М., 1988; Москва—Париж. 1900—1930. М., 1981. Т. 1. С. 356; Т. 2, илл. Отзыв Е. Эганбюри см. в журнале «Жар-птица» (Берлин. 1922. № 6. С. 39—40).

¹⁷ Этот вопрос не проясняется и при обращении к ценной подборке документов: Gontcharova et Larionov. Cinquante ans à Saint Germain-des Prés. Temoignages et documents recueillis et présentés par Tatiana Loguine. Paris, 1971. Не касается этих обстоятельств и переводчик, оставивший восторженный отзыв об оформлении Н. С. Гончаровой (Лютер А. Немецкие иллюстраторы русских авторов // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932. Вып. 3. С. 20—21).

thé du capitaine Sokub» с иллюстрациями Н. С. Гончаровой.¹⁸ В русской среде Парижа постоянно встречались художники, переводчики, поэты. Валентин Парнах, например, написал вступление к подборке репродукций театральных работ Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова,¹⁹ а в парижских сборниках стихов (в мягких тетрадках) он неизменно посвящал свои произведения художникам, артистам и поэтам из России: Александру Блоку, Ладю Гудиашвили, Осипу Мандельштаму, Всеволоду Мейерхольду, Георгию Евангулову, Михаилу Ларионову, Наталии Гончаровой и др. В свою очередь иллюстрирование этих поэтических сборников охотно выполняли и М. Ф. Ларионов (V. Parnak. Le Quai / Набережная. Paris, 1919)²⁰ и Н. С. Гончарова (В. Парнах. Самум. Париж, 1919),²¹ а иногда оба вместе (V. Parnak. Mot dinamo / Словодвиг. Paris, 1920).²² В сборник В. Парнаха «Карабкается акробат» (Париж, 1922)²³ вклеен графический портрет поэта работы П. Пикассо, воспроизведен и рисунок Л. Гудиашвили и др. Эти тонкие книжки отчасти напоминают издания русских футуристов 1910-х гг.: текст в них писан литографским карандашом, сходен и формат. Но изображений здесь немного, они даны на вклейках, чем нарушается связь слова и образа. Среди стихов В. Парнаха, посвященных русской художнице, отметим «К „Испанкам“ Наталии Гончаровой» (Самум, 1919),²⁴ а также навеянные образами византийских мозаик XII в. в Сицилии — «Палермо», «Пальмы и павлины».²⁵ Поэт как будто уловил родство декоративного дарования Гончаровой и монументальной стенной росписи средневековья. Иллюстрации Н. С. Гончаровой к этому сборнику — всего три цветные литографии на вклейках — размещены вне связи с текстом: стихотворение «Estrando primor / К „Испанкам“ Наталии Гончаровой» читается на с. 39, а литография на испанский мотив вклеена к с. 1—2; о «Пальмах и павлинах» читаем на с. 26 и след., а композиция с листьями пальм расположена между с. 16—17 и т. д. К сборнику В. Парнаха «Le quai / Набережная» М. Ф. Ларионов выполнил всего две литографии — обложку и спинку обложки, на которых как будто запечатлел себя и Н. С. Гончарову: им обоим поэт посвятил здесь последнее двучастное стихотворение «Неаполитанская набережная». Если это предположение верно, перед нами облик художницы, которая вот-вот приступит к работе над иллюстрациями «Сказки о царе Салтане», а затем и к «Слову о полку Игореве». «Сказка о царе Салтане» в прозаическом переводе Клода Анет на французский язык была издана в Париже в 1921 г. (издательство «La Sirène») в количестве 599 нумерованных экземпляров, различавшихся по качеству бумаги (японской и веленовой) и по художественному оформлению: в первые 10 экземпляров включено по одной авторской акварели; остальной тираж был отпечатан с черно-белыми иллюстрациями и обрамлениями французского наборного текста.

¹⁸ Oeuvres de Joseph Kessel // Biblio. 1959. Octobre. P. 12.

¹⁹ Parnack Valentin. L'art décoratif théâtral moderne. Paris, 1919.

²⁰ Нами привлекался экземпляр ГПБ под шифром 20.38.9.317.

²¹ Нами привлекался экземпляр ИРЛИ под шифром 26 7/45, в котором на с. 1 об. читается: «Пушкинскому дому при Российской Академии наук от автора рисунков. Н. Гончарова. 17 д. 1922. Париж».

²² В библиотеках Санкт-Петербурга это издание отсутствует.

²³ Нами привлекался экземпляр ГПБ под шифром 24/214 с подписью чернилами: «Марии Федоровне Андреевой с почтительной преданностью. Автор. 1922. Berlin».

²⁴ Две репродукции «Испанок» (1915 и 1927 гг.) сопровождали и первую публикацию соч. М. И. Цветаевой «Наталия Гончарова (жизнь и творчество)»: Воля России. Прага, 1929. Т. 5—6, вкл. к с. 36—37 и 44—45.

²⁵ Парнах В. Самум. Париж, 1919. С. 39, 42—43 и др.

В нашем распоряжении оказался авторский корректурный экземпляр «Сказки о царе Салтане», в котором обложка, форзацы, титульный лист, шмуцтитулы, заставки-рамки, обрамления печатного текста, концовки, буквицы и иллюстрации выполнены художницей от руки в технике акварели. Экземпляр этот не переплетен, листы в виде тетрадей вложены в твердую картонную папку с завязками (ныне утраченными). На последнем листе обозначен № 222. Акварели подписаны «N. G.» или «N. Gontcharova». На обороте 1-го листа синими чернилами вписано: «Пушкинскому дому Российской / Академии Наук / Н. Гончарова./ Париж./ 16 д. 1922». На л. 2 на верхнем поле над декоративным шмуцтитолом читается: «Этот экземпляр, предназначенный для Пушкинского дома при Российской Академии Наук, просмотрен автором иллюстраций» (далее на поле справа) «Н. Гончарова/ 16 декабря / 1922 года / Париж».

Нам не довелось сравнить корректурный экземпляр Пушкинского Дома с тиражированными книжками. Скорее всего и это издание почти неизвестно в России. Бегло ознакомившийся с ним П. Д. Эттингер отмечал в 1924 г., что рисунки Н. С. Гончаровой отличаются здесь «тщательностью отделки» «от прежней более обобщенной манеры талантливой художницы».²⁶ Через 50 лет одна из иллюстраций была воспроизведена в «Детской литературе».²⁷ Не задаваясь целью характеризовать эту работу Н. С. Гончаровой, заметим, что художница обратилась прежде всего к мотивам русской набойки, с ее мелкими веточками и листочками на локальном фоне (желтом, синем — «кубовом», зеленом и т. д.). Персонажи сказки наделены благообразием и вместе с тем некоторой кукольностью. Запоминаются геральдически построенные композиции с чудо-белкой, с царицей и царем на троне, орнаментальный рисунок в сцене 33-х богатырей, крупный шмель над парусом, Царевна-Лебедь и т. д. Привлекательна концовка с эмблемой издательства «La Sirène». Из всех работ Н. С. Гончаровой, возможно, это самая «рукодельная», выполненная как бы ювелирно.

Вскоре после «Сказки о царе Салтане» художница приступает к оформлению спектакля на музыку И. Ф. Стравинского «Свадебка» (это были хореографические сцены с пением) сезона 1923 г. И в том же 1923 г. в Мюнхене выходит в свет «Слово о полку Игореве» с ее иллюстрациями. В это время по всей Европе издавалось немало русских книг.

Если мы обратимся к произведениям русской классики, в частности к сочинениям А. С. Пушкина, которые выпускало в начале 1920-х гг. издательство «Орхис» (в переводе на немецкий язык), мы заметим, что это тонкие книжки в мягкой обложке всегда с графическим оформлением; такова, например, серия иллюстраций к «Медному всаднику» А. Н. Бенуа.²⁸

Книга «Die Mär von der Heerfahrt Igers» — в твердом белом картонном переплете несколько больше по формату (27 × 18,3 см). Обложка, корешок и общее графическое оформление книги отличаются единством замысла и исполнения, что позволяет считать макет авторским — Н. С. Гончаровой. Весьма возможно, что выбор готического шрифта для наборного текста перевода, для заглавия на обложке и на титульных листах также принад-

²⁶ Эттингер П. Д. Пушкин в зарубежных иллюстрированных изданиях // Книга о книгах М., 1924 № 5—6 С 29

²⁷ Громова Л. За морями, за долами Зарубежные иллюстраторы сказок А. С. Пушкина // Детская литература 1974 № 6 С 79

²⁸ В 1922 г. вышли «Повести Белкина», «Руслан и Людмила», «Медный всадник», в 1923 г. — «Каменный гость» и «Дубровский» Обзор этих изданий см. в статье П. Д. Эттингера «Пушкин в зарубежных иллюстрированных изданиях» (С 32—33), см также Голмачев М. В. О трех редакциях иллюстраций Александра Бенуа к «Медному всаднику» А. С. Пушкина // Панорама искусств М., 1987 Вып 10 С 325

Fürst Igors Heerfahrt

Рис. 1. Обложка немецкого издания «Слова о полку Игореве». Мюнхен, 1923.

лежит художнице. Во всяком случае готический шрифт сразу настраивал читателя книги на определенный лад, обращая его к средневековью, и это следует отнести к находчивости оформителя. На белом фоне обложки (рис. 1) под заглавием представлена группа воинов-всадников в остроко-нечных шлемах и кольчугах; наверху шлемов двух князей украшены слегка развевающимися стягами-прапорами; за спиной каждого торчит лук, у бедра колчан со стрелами. Впереди всех князь Игорь, натягивающий поводья, он чутко прислушивается к чему-то, полуобернувшись назад. А тем временем справа, в поднебесье, застилается тьмою — крылами птиц — солнце. Вся эта компактная группа очерчена скупым и вместе плавным контуром; на белом фоне выделяются цветовые пятна: светло-желтые (лики и руки), серые (шлемы и кольчуги), а также сильно контрастирующие с желтыми лиловые (шлем, рубаха, сапоги Игоря, его конь, одна из птиц, короткие лучи солнца, стяги-прапоры на шлемах) и зеленые (порты Игоря,

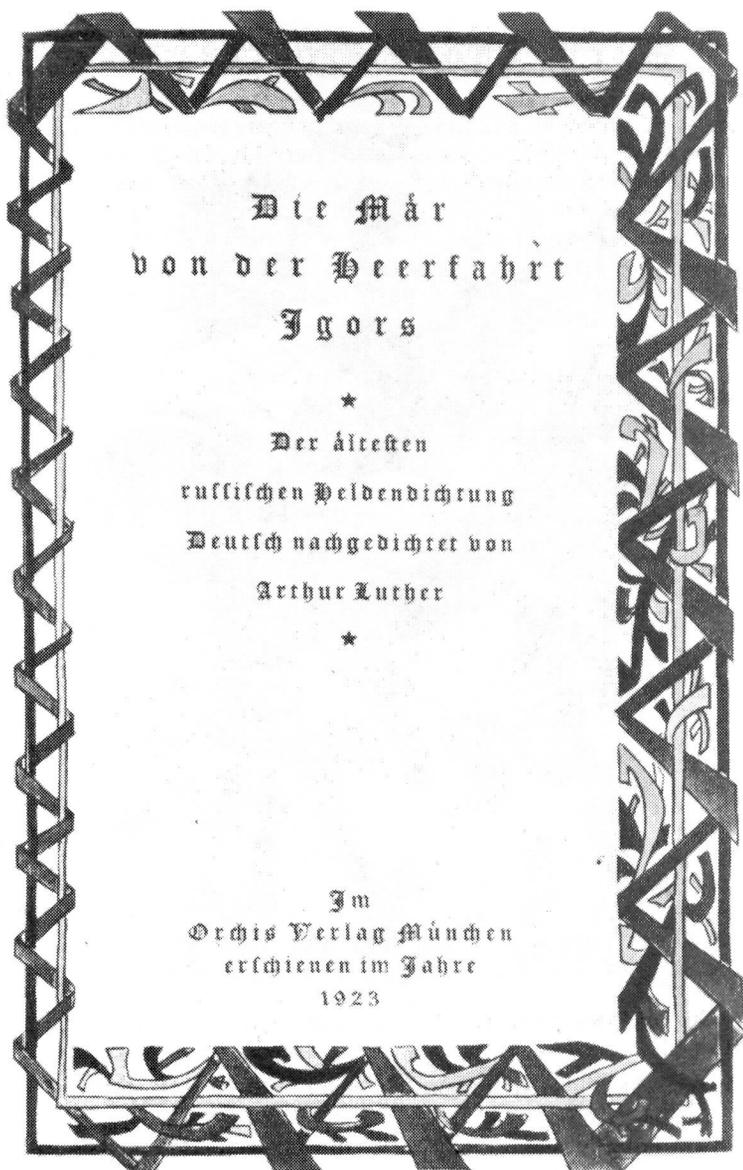

Рис. 2. Титульный лист книги (с. 3).

травя). Форзацы книги киноварно-красные, без изображений. Затем следует несколько титульных листов: с. 1 — с наборным заглавием в верхней части листа, с. 3 (рис. 2) — с наборным распространенным заглавием и выходными данными — в геометризованной двойной рамке-заставке из ломкой ленты и мелких листков (гамма: лилово-желтый, голубой и черный), с. 5 — заглавие, составленное из крупных фигурных и черных готических букв. На развороте слева (с. 4) сообщается об оформлении книги Н. С. Гончаровой.²⁹ Справа же (с. 5, рис. 3) в заглавии латинские прописные буквы

²⁹ См. наше примеч. 3.

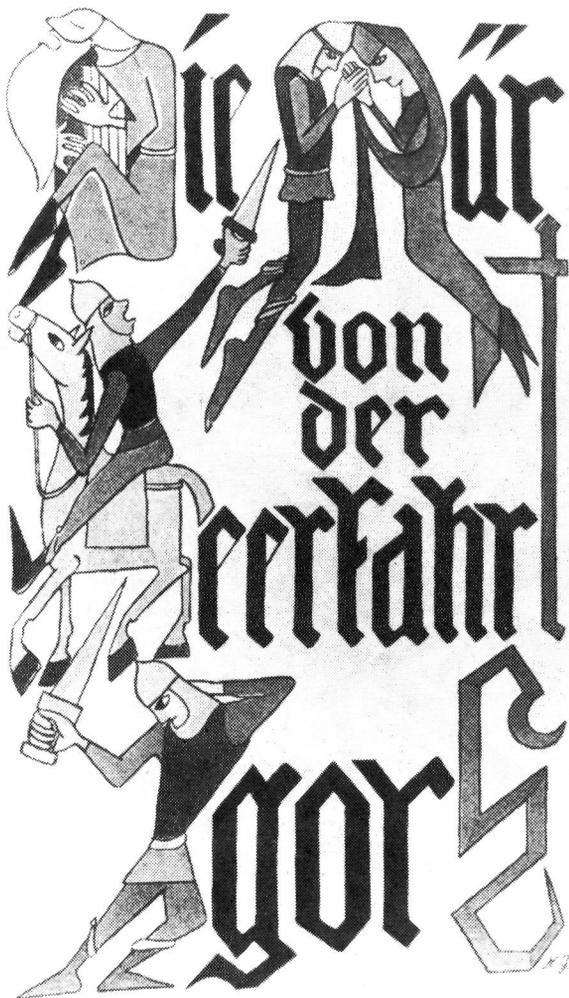

Рис. 3. Шмуцтитул на с. 5.

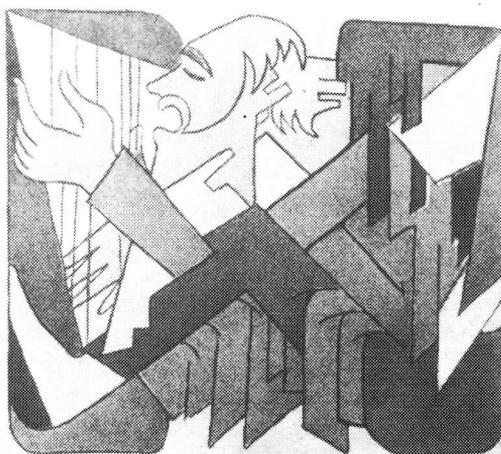
D, M, H, I — антропоморфные, а строчные t и s — изобразительные; все они — в красках. Эти инициалы художница связала с сюжетом «Слова о полку Игореве»: D — старец с белой бородой, с сомкнутыми веками, перебирающий струны музыкального инструмента, прижатого к груди; его сутулый стан охвачен зеленой рясой; на ногах (одна на другой) лиловые остроконечные башмаки. M — в виде четы в профиль, геральдически расположенной: воин в кольчуге и шлеме и его дама, в рукопожатии сблизив головы над концом длинного шарфа, — он служит средником буквы M. Букву H образует фигура кричащего всадника, почти касающегося обнаженным коротким мечом воина из четы, — он изображен в резком повороте назад. I — пеший воин, также в шлеме и кольчуге, тоже с поднятым вверх мечом; он склоняется вправо, как раненый или плененный. Буква t справа напоминает узкий меч, а s в правом углу — ломкий серпантин. Все вместе составляет мир «Слова» — от слепого певца Бояна к военному походу и к лирической теме героя-князя. Обличье, позы и жесты персонажей напоминают миниатюры западноевропейских рукописных книг. Из всех листов,

Рис. 4. Шмуцтитул на с. 7.

украшенных Н. С. Гончаровой в данном издании «Слова», этот самый «готический», западнический: женский образ из буквы М не оставляет сомнения в его источниках. Нам представляется, что для читателя-европейца это был выразительный знак или сигнал, сообщающий с первых страниц, о чем и о ком повествуется в этом средневековом произведении. После такой экспозиции следует еще один лист — с. 7 (рис. 4) — чисто декоративный. Здесь еще раз сообщается строкой наборного текста: *Illustrationen von Natalia Gontcharowa*, причем эта строка буквально вплетена в декоративное поле, составленное из ломких планок (коричневых, серых, желтых и лиловых), сквозь которые пролезают, изгибаясь, лисы с пышными хвостами, острыми мордочками и миндалевидными глазами. Динамичные фигурки лис очерчены тонким контуром, они не раскрашены, только желтым или голубым пятном выделен кончик хвоста в виде «султана».

Когда, наконец, начинается текст перевода «Слова» (с. 9, рис. 5), читателя ожидает заставка с уже знакомым образом слепого Бояна. Скупыми

Wär es nicht würdig und wohlgetan, Brüder,
 Wenn wir anheben wollten nach alter Weise
 Die harmvolle Mår von Igor's Heerfaher.
 Von Igor, dem Sohne des Swjatoslaw?
 Wie es wirklich geschah, so werd' es geschildert,
 Nicht wollen wir folgen Bojans Erfindung.
 Denn wenn Bojan zu jemandes Lobe
 Seine Stimme erhob, dann hüpfte er als Eichhorn
 Über Stamm und Gesträuch: als Adler stieg er
 hinauf zu den Wolken, als grauer Wolf
 Lauf er durchs Land, nach Beute lüftern.
 Und wenn er der Fehden der Vorzeit gedachte,
 Lieb er zehn Falken los zur Verfolgung
 Einer Heer von schneeweiß schimmernden Schwärmen.

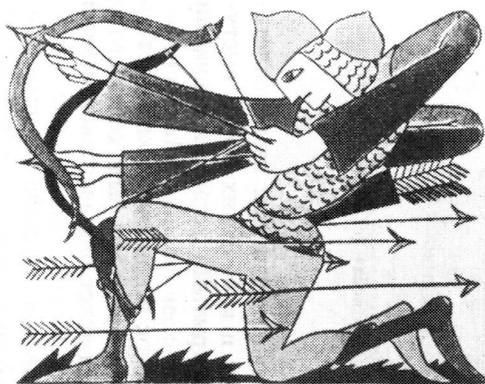
Рис. 5. Заставка перед началом перевода «Слова» (с. 9).

средствами Н. С. Гончарова создает образ певца-сказителя: из переплетающихся конструкций (планок, лент, угловых и кубических форм) выступает профильная голова слепого старца с раскрытыми устами и с руками на струнах.

Наличие на последующих страницах заставок и концовок указывает на сознательное деление текста «Слова», которое скорее всего было согласовано между переводчиком и художницей; наборный текст под заставкой всякий раз начинается инициалом высотой в две строки.

Разбивка текста «Слова» на эпизоды и звенья известна на всем протяжении истории его изучения, переводов, публикаций и иллюстрирования. Н. С. Гончарова избрала такой путь: некоторыми мелкомасштабными изображениями она только дополнила полосы наборного текста, другими же заняла целые полосы, в том числе и на разворотах страниц.

В пяти случаях концовка и заставка расположены на развороте листов (с. 10—11, 32—33, 38—39, 46—47, 52—53), трижды заставка сочетается с полосной иллюстрацией на развороте (с. 18—19, 24—25, 42—43), также три раза концовки (на с. 17, 23, 29) соседствуют с полосой наборного

Am Freitag im Frührot kam es zum Kampfe.
 Sie besäten das Feld mit tausenden Pfeilen
 Und zermalmten die Heiden; sie schleppten die Mädchen
 Lachend ins Lager, und leuchtendes Gold,
 Kostbare Seiden und schwere Brokate
 Waren den Kämpfern willkommene Beute.
 Über Hümpfe als Brücke ward Seide gebreitet,
 Über Wasserlachen Leinwandgewänder,
 Mit Silber durchwickt und mit Gold besetzt.
 Doch der tapfere Sohn des Swjatoslaw
 Erhielt von der Beute einen purpurnen Helmbusch,
 Einen schweren, mit Silber beschlagenen Schaft
 Und ein Purpurbanner mit weißen Bändern . . .

Nach dem Kampfe schlummert die kühne Brut
 Aus dem Nest Olegs — weit flog sie hinaus!

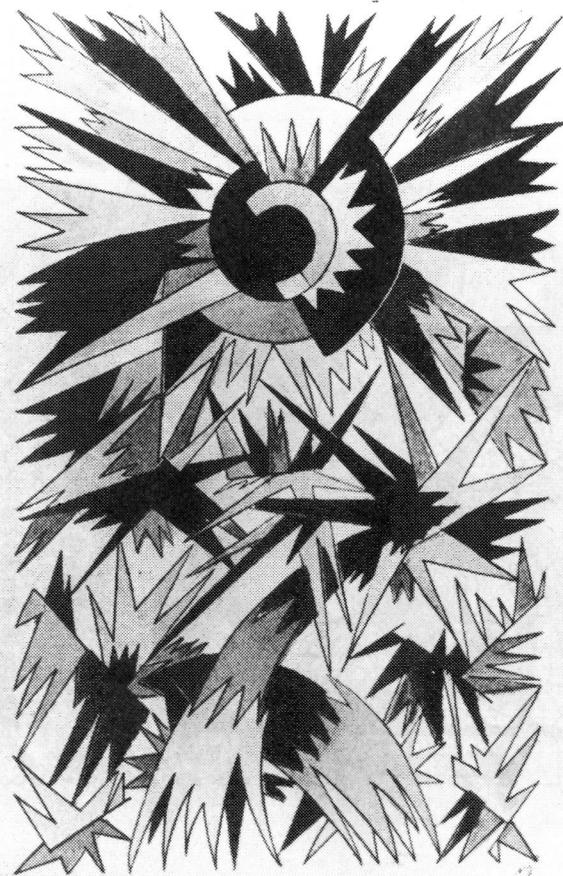

Рис. 6. Заставка и декоративный лист (с. 18—19).

Ihre schützende Wehr. Du wilder Ur,
 Kühner Wlewołod, mitten im Kampfe
 Stehst du und sendest laufende Pfeile
 Auf die Feindesheere, es dröhnen die Helme
 Von den schweren Schlägen stählerner Schwertter.
 Wo dein Goldhelm aufblitz, du wilder Ur,
 Da stürzen die Häupter der Heiden in Staub!
 Wie hölzerne Späne zersprellst du die Helme,
 Awarischer Schmiede kunstreiche Werke!
 Nicht spürt er die brennenden Wunden, ihr Brüder,
 Denn alles vergah er, nach Kampf nur begehrend:
 Des Ruhmes Leuchten, des Lebens Luft,
 Die stolzen Türme der Stadt Tschernigow,
 Des Vaters prunkenden Fürstenthron,
 Ja selbst der holden, so heiß ersehnten
 Lieblichen Glebowna lächelnden Gruß!

Рис. 7. Концовка на с. 23.

текста. К этому следует добавить изначальную заставку с Бояном и заключительную орнаментальную концовку (с. 54).

Полосные иллюстрации у Н. С. Гончаровой занимают пять полных разворотов, перед каждым из них находится декоративный лист на целую полосу. Учитывая, что текст оригинала «Слова» и его немецкого перевода сравнительно невелик по объему, можно признать иллюстративно-изобразительный ряд, созданный Н. С. Гончаровой, щедрым и обильным, так он просторен. В сущности здесь отражена не только и не столько сюжетная сторона литературного произведения. Гораздо больше внимания уделено образной системе «Слова» с ее обращением к силам природы от небесных светил и стихий до мира диких и хищных зверей и пернатых с присущим им многообразием. В этом богатом окружении чрезвычайно интересно трактованы люди: они сильные, крупноголовые, с большими крепкими ногами и руками. Воины натягивают поводья норовистых сильных коней, стреляют из лука (рис. 6), заносят меч над противником в жестокой схватке (рис. 7); их мускулистые ноги резко согнуты в коленях, цепкие пальцы сжимают оружие, из раскрытых ртов готов вырваться крик (рис. 8), на лицах гримаса боли, напряжения (как, например, в Плаче Ярославны, см.

Рис. 8. Рукопашный бой и пленение Игоря (с. 26—27).

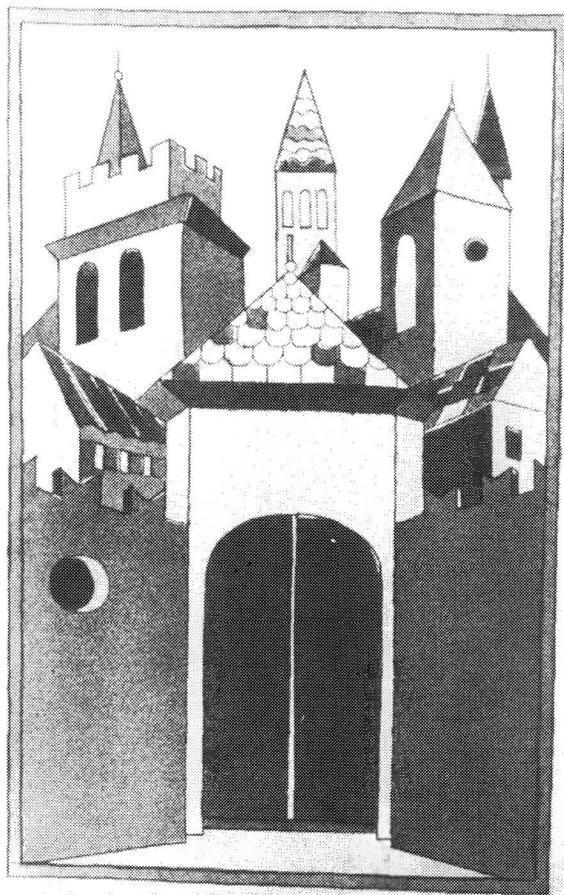

Рис. 9. «Архитектурный» лист и плач Ярославны (с. 44 и 45).

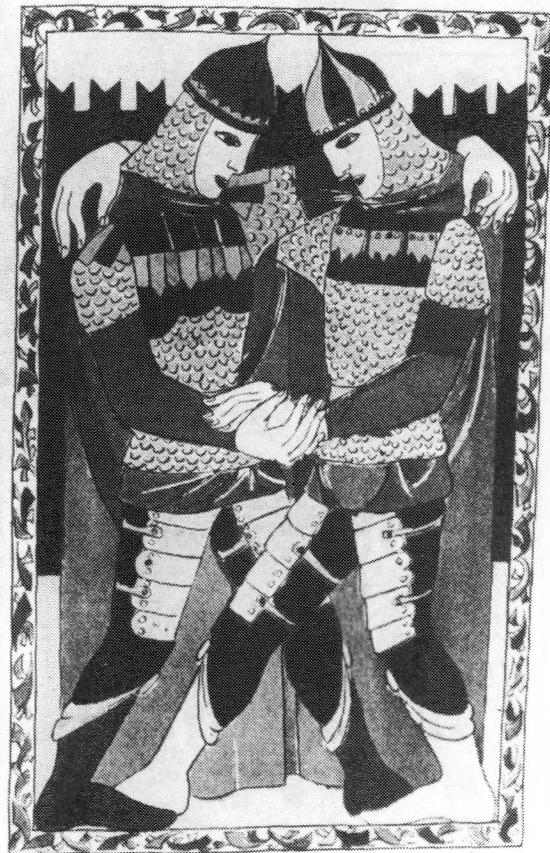
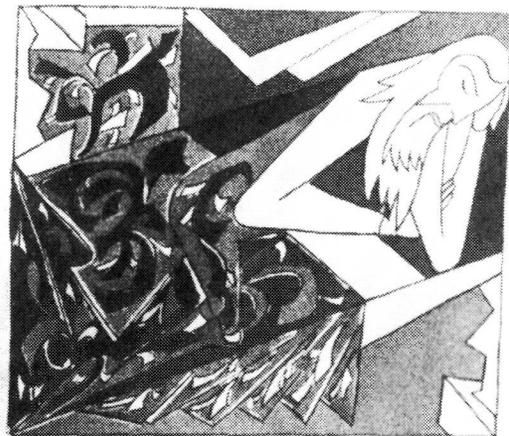
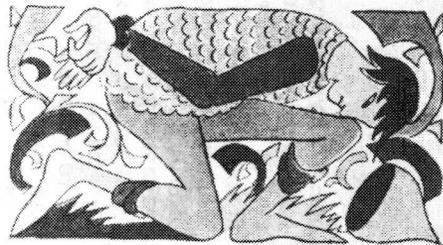

Рис. 10. Ярославна в группе и два князя (с. 14—15).

Gegen den Feind und zerlöste die Scharen
 Mit den starken Schlägen stählerner Schwerter.
 Felt war sein Fuß auf den Boden des Feindes,
 Daß die Berge bebten, die Schluchten sich schlossen,
 Seen und Ströme den Strand überschwemmten
 Und die Sümpfe und Bäche verlegten.
 Und wie ein rasender Wirbelsturm riß er
 Heraus aus den Reihen der eisernen Recken
 Den mächtigen Kobjak an der Bucht des Meeres.
 Und es stürzte Kobjak in Kijew zu Boden,
 Im Palast Swjatoslavs blieb er leblos liegen.

Bei Mähren und Griechen, im mächtigen Venedig,
 Im Deutschen Land sungen sie Lieder
 Zu Swjatoslavs Ruhm, des sieghaften Recken,
 Und schelten Igor, der seine Schätze,
 Das russische Gold, seines Ruhmes vergessend,
 In der Polowzen Strom, in die Kajala streute.
 Und Igor stieg aus dem goldgestickten
 Fürstenfattel und gab sich gefangen
 Und setzte sich in den Sattel des Knechtes.
 Da standen in trüber Trauer die Städte
 Und im ganzen Lande verkrummte die Luft.

Swjatoslaw sah in derselben Nacht
 Auf den Höhen von Kijew im Fürstenhohle
 Einen dunkeln Traum. „Es deutete mich“, sprach er.
 „Als hüllte man mich schweigend in schwarze Tücher
 Auf eichenem Bett, da der Abend anbrach.
 Und vor mir blauen Wein im Becher,
 Mit tödlichem Gifte tödlich gemischt.
 Man schüttete schmeichelnd in meinem Schok
 Perlen aus leeren Polowzen Köchern.
 Es lösten sich die Balken an meinem Palast
 Mit dem goldenen Dach, und die ganze Nacht
 Vom Abend an, riesen draußen die Raben.
 Bei Plenk auf den Wiesen spaltete plöndlich
 Sich der bebende Boden und bildete Schluchten.
 Und die Mannen von Kijew zogen zum Meer.“

Рис. 11. Заставка (Сон Святослава) на с. 33.

Einen Tag unterhanden die Stärken dem Feinde
 Zwen zweiten Tag noch. Am dritten Tage
 Um Mittag fielen die Fahnen Igor's.
 Da trennten die Brüder sich traurigen Herzens,
 An der schäumenden Kajala mußten sie scheiden.
 Verbraucht war der Vorrat des feurigen Blutweins.
 Die tapferen Kuffen hoben die Tafel:
 Sie hatten bewirtet die Hochzeitsgäste
 Und waren selber zu Boden gesunken
 Für die russische Heimat. In tiefem Darne
 Beugt der Baum seine Zweige zu Boden
 Und die Palme senken die grünen Häupter.

Рис. 12. Концовка на с. 29.

рис. 9). Художница показывает тех же людей дружелюбными и спокойными (см. разворот на с. 14—15, рис. 10), пока еще не начался бой или когда кем-то овладевает сон (см. заставку на с. 33, рис. 11), а то и вечный покой (рис. 12). Напротив, у представителей фауны при беззаботном состоянии видим максимум резвости и подвижности (лисицы, белки, птицы, рыбы), в то время как в опасной позиции хищники приобретают зловещую статичность (ср. волчьи пасти, сцепленные мертвой хваткой, на рис. 13).

В иллюстрациях Н. С. Гончаровой нет подробной повествовательности, хотя связь с текстом не вызывает сомнения. Художница рассчитывает на чисто изобразительный эффект, не прибегая к пояснениям в виде подписей или цитат на полях. Каждый лист она помечает своим именем: в правом нижнем углу читается «NG» или «N. Gontcharova» (то же самое в иллюстрациях к книжкам стихов В. Парнаха, в «Сказке о царе Салтане»).

Проникновение художницы в глубинный смысл «Слова о полку Игореве» обнаруживают прежде всего композиции «космического» характера с мотивом затмеваемого солнца с короткими и длинными лучами. Не приходится объяснять интерес к этому мотиву только верностью «лучизму», который Н. С. Гончарова исповедовала на протяжении ряда лет вместе с

O Hilde! So ruf dich der ferne Don,
 Er ruf die Leuten zu Raub und Sieg!
 Die wüthten Oleg'söhne eilten zum Kampf...
 Wlewolod, Jugwar, alle drei Brüder,
 Söhne Jaroslaw's -- Sechshingler Falken
 Aus ruhmvollem Nese. Nicht durch Raub gewannt ihr
 Die Herrschaft. Wo sind eure goldenen Helme,
 Eure polnischen Speere und Schilde? So sperrt doch
 Des Schlachtfeldes Pforten mit scharfen Pfeilen
 Zu schühen und zu rächen das russische Land
 Und die Wunden des Swjatoslaw'söhnes Igor."

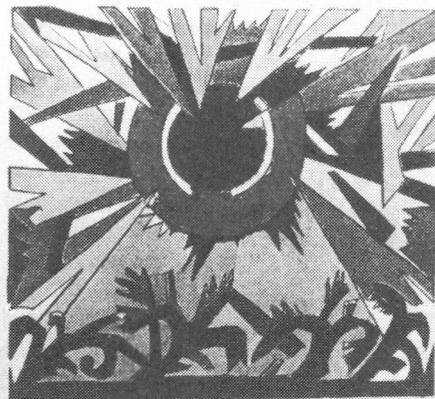

Nicht flieht mehr die Hula in silbernen Fluten
 Nach Pererjaslaw! zu den Polotschanen
 Dem wälzt die Düna die schlammigen Wasser
 Unter der Heiden wildem Scheit.
 Nur des Wasilko Sohn Jaroslaw
 Schlug mit scharfen Schwertern klirrend
 Auf die Litauer Helme, weit hinter ihm lassend
 Den Ruhm seines Ahnherrn, des alten Wioslaw,
 Doch dann sank er, verhaßen von brüderlichen Schwaben,
 Unter roten Schindeln auf den blutigen Kasten
 Und der Tod war sein Lieblich und seine sein Lager,
 Und es sprachen zum Fürsten die Mannen: „Der Vogel
 Decken in Schwämmen das Bier mit den Schwingen
 Und die Wölfe lecken die Wunden der Krone!“
 Seine beiden Brüder -- Wlewolod
 Und der junge Wlewolod -- wählten fremd."

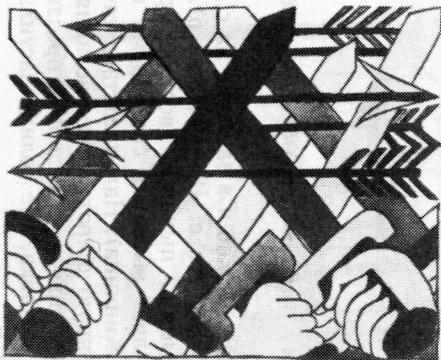
Рис. 13. Концовка (Шестокрылец) и заставка с волками (с. 38—39).

Welchen Schwanz der Falk in Schwünge gefangen,
 Der sang als Erste ein Lied zu Ehren
 Jaroslaws des Weissen, Altrslaws des Gewaltigen,
 Der in heldischer Schlacht vor der Schar der Krieger
 Den Kedyja erschlug. — und zum dritten gedacht er
 Des mächtigen Swjatoslawsohnes Roman . . .
 Nicht jagte Bojan nach schneeweißen Schwänen
 Als kühnen Falken: die kühnen Finger
 Legt' er laut auf die lebenden Saiten,
 Und sie sangen selber den Ruhm der Recken!

So mögt ihr nun, Brüder, die Märe vernehmen
 Vom alten Wladimir bis auf unsern Igor,
 Der die Seele stählte mit Heldenstärke,
 Sie schwertgleich schärfte mit Mannesmut,
 Und, von Kampflust erfüllt, seine kühnen Völker
 In die Feldschlacht gegen die Polowzen führte
 Zu blutigen Ringen um das russische Land.

Igor landete den Blick nach der blinkenden Sonne,
 Doch mit Finsternis deckte sie seine Gefährten.
 Und es sprach der Fürst zu seinem Gefolge:
 „Ihr Recken, meine Brüder, vernehmt meine Rede!
 Lieber erschlagen in blutiger Schlacht
 Als gefangen in Händen des Feindes!
 Laßt uns rasch besteigen die reitigen Kasse,
 Auf daß wir den blauen Don erblicken!“
 Die heiße Schnelucht, den Don zu sehen,
 Rief den Helden das Zeichen des Himmels verachten.
 „Ich will.“ so rief er, „mit euch, meine Kassen,
 In der Polowzen Land die Lanzen brechen,
 Aus dem schäumenden Don mit dem Helme schöpfen
 Oder mein Leben im Kampfe lassen!“

Die Jahre Trojans und Jaroslaws schwanden,
 Nur Lieder noch künden von den Kämpfen Olegs,
 Von Oleg, dem Sohne des Swjatoslaw.
 Der schmachvollen Zwist mit dem Schwerte geschmiedet
 Und die Erde mit laufenden Pfeilen besät.
 In Tmutorakan, zum Kampfe gerüdet,
 Stell' er den Fuß in den goldenen Stegreif,
 Und es lautete von weitem dem Waffenlärm
 Witwobod, Jaroslaws Sohn, der Gewaltge.
 Jedoch in Tschernigow drückte Wladimir
 Frühmorgens die Finger fest an die Ohren . . .
 Den Boris trieb die Ruhmgier zum Schwertgerichte,
 Und es fand der junge, der hüfne Fürst
 Auf blühender Au ein blutiges Bett —
 Oleg zu Liebe mißt' er es leiden.

24

Рис. 15. Заставка и декоративный лист (с. 24—25).

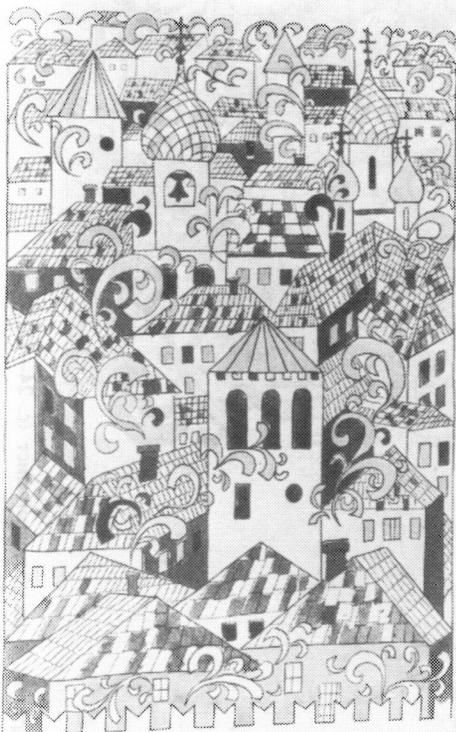

Рис. 16. «Архитектурный» лист (с. 13).

Schwere Trübsal traf uns, Brüder!
 Im Steppenlande sank unsre Macht,
 Das Elend kam zu den Dalschbog-Eukeln.
 Als Jungfrau betrat es das Land des Trajan.
 Schwebend auf weißen Schwanenschwingen
 Hob sich die Maid aus dem blauen Meer.
 Die Flügel brechend über den Fluren
 Des klaren Don, gedachte klagend
 Die Jungfrau der alten üppigen Jahre.
 Durch Hader vertiehn die Fürsten den Heiden!
 Es sprach zum Bruder zürnend der Bruder:
 „Dieses ist mein — und mein ist auch das!“
 Und wertlose Dinge nannten sie wichtig,
 Und schmiedeten schmadsvollen Duld mit den Schwertern.

Рис. 17. Заставка (Дева Обида) на с. 30.

М. Ф. Ларионовым. Солнце фигурирует и на обложке и в заставке на с. 11 (рис. 14) и в полосной иллюстрации на развороте с. 18—19 (рис. 6). В последнем случае солнце сочетается с кометой, пышный хвост которой расцвечен по трем уровням (именно этот лист вызвал в свое время непонимание и неодобрение со стороны Н. П. Жинкина). Нам представляется, что художница уловила здесь пространственную широту повествования и вместе с тем показала затмение как дурную примету, недоброе предзнаменование его героям. На с. 42 еще одна заставка, где солнце застилает птица (лучи и оперение создают общий ритм).

Заставка с перекрещенными мечами и летящими навстречу друг другу стрелами, в которой видны только руки, сжимающие рукояти мечей, передает силу противостояния и напряженную борьбу, сопровождавшую поход Игоря на половцев (с. 24, рис. 15). Трудно сказать, какая иллюстрация здесь более выразительна: эта ли лаконичная заставка или сюжетное изображение на развороте с. 26—27 (рис. 8), где показан рукопашный бой и пленение Игоря.

Высокая образность в иллюстрациях Н. С. Гончаровой достигается отнюдь не за счет этнографических деталей, чего можно было ожидать от

Comment le conte alla chasser et raimondin avecques sur.

Рис. 18. Гравюра из «Мелюзины» (Лион, 1490).

Рис. 19. Выступление в поход (с. 20—21).

Wir leierten singend die alten Fürsten,
 Dem klingt unser Lied den jungen zum Lobe:
 Heil Igor, dem Sohne des Swjatoslaw,
 Heil Wsewolod, dem wilden Ur!
 Heil auch Wladimir, dem Igorsohne!
 Heil den Fürsten! Heil dem Gefolge!
 Die mit kühnem Mut in den Kampf gezogen,
 Vor den heidnischen Scharen die Christen zu schützen!

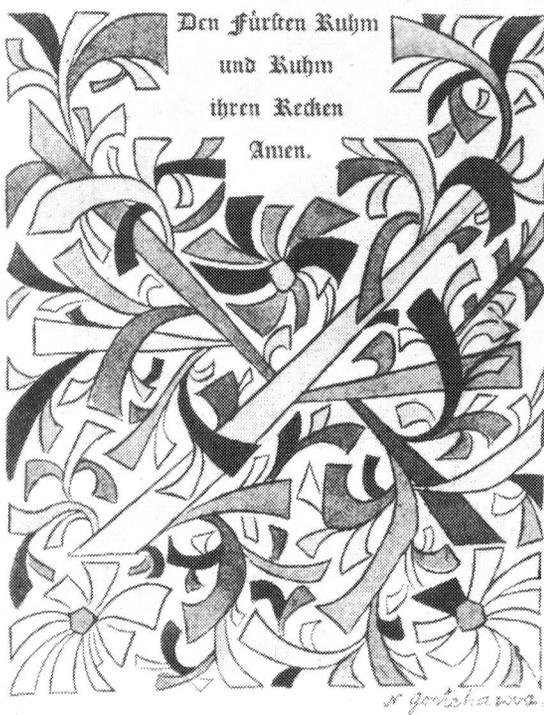

Рис. 20. Концовка (с. 54).

театрального художника. Напротив, в иллюстрациях встречаются анахронизмы, как, например, архитектурные формы в декоративных листах (с. 13, рис. 16; с. 44, рис. 9), далекие от домонгольской поры, но верно передающие характер русского каменного средневекового зодчества (то же и на с. 15, 44 и 45, где зубцы крепостной стены в виде ласточкиных хвостов). Столь же спорно включение меха горностая в одежду княгини, но зато как легко отличить жену героя в группе персонажей (на с. 14, рис. 10)!

Обращение художницы к реалиям русской культуры особенно плодотворно, когда воплощается образ отвлеченный, поэтический, полный глубокого смысла. Так, например, Дева Обида на с. 30 (рис. 17) сродни берегиням на досках корабельной рези, которые украшали прибрежные волжские деревянные дома. В народных традициях выполнен Шестокрылец, подобный фантастическим птицам из орнаментального шитья на концах полотенец. Мотивы птиц встречаются много раз.

Рис. 21. Звери и птицы (с. 50—51).

Рис. 22. Эскиз костюма сенной девушки.

Рис. 23. Эскиз мужского костюма.

Но не только русские источники могли питать воображение Н. С. Гончаровой, когда она приступала к иллюстрированию «Слова о полку Игореве». Нам представляется, что она опиралась также и на художественный опыт французских инкунабул. Своеобразному колориту иллюстраций художницы находим соответствие в гравюрах на дереве из «Мелюзины» Жана д'Арраса, изданных в Лионе в 1490 г. Здесь те же локальные цвета: желтый, зеленый, фиолетовый, лиловый.³⁰ Мало того, здесь столь же крупномасштабные фигуры на белом поле гравюр. Если сравним обложку «Слова» Н. С. Гончаровой и одну из сцен «Мелюзины» с двумя всадниками (над ними восемь звезд и луна), заметим сходство в строении композиции, в поступи коней, в расположении небесного светила и кустистых трав (рис. 1 и рис. 18). Возможно также, что на размещение двух полосных иллюстраций на развороте (например, в сценах выступления дружины Игоря в поход с. 21—22, рис. 19) также повлияли народные цельногравированные книжки XV в.

³⁰ Нами привлекались цветные репродукции из книги: Ponomarenko Lisa et Rossel Andre. La gravure sur bois a travers 69 incunables et 434 gravures. Paris, 1970. N 180—195.

Только Н. С. Гончарова избегает, явно сознательно, надписей или подписей к ним, в отличие от средневековой традиции.

Декоративный вкус художницы позволил украсить книгу полурастительным-полугеометрическим орнаментом, рисунок которого повторяется на нескольких листах (ср. рис. 14 на с. 10—11 и рис. 20 на с. 54). Не менее примечателен разворот с изображением зверей и птиц (с. 50—51, рис. 21), как уже упоминалось.

В чем же своеобразие иллюстраций Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве»? Отвечая на этот вопрос, следует признать их глубокую оригинальность, чему не противоречит и это обращение к образам народного искусства, к традициям средневековой книжной гравюры и т. п. Независимость Н. С. Гончаровой от повествовательного, иногда буквального иллюстрирования, подобного литографиям М. А. Зичи, И. А. Шарлеманя и других, особенно заметна в игнорировании сентиментальных, нередко театральных сцен типа прощания Игоря с Ярославной перед походом или встречи князя после побега из половецкого плена и т. д. В этом смысле совершенно нетрадиционно представлен Плач Ярославны (рис. 9). Княгиня в восточном узорочье, так принятом в домонгольской Руси, — это воплощенная женская тоска. Недаром М. И. Цветаева комментировала этот лист следующим образом: «Сидит гора. В горе — дыра: рот. Изо рта вопль: а-а-а... Этим же ртом, только переставленным на о (вечно о славословии), славлю Гончарову за Игоря».³¹

И хотя архитектурное окружение здесь явно ближе к эпохе казанских походов Ивана Грозного, мы верим искренности горя княгини, обреченно сидящей на верхнем бое крепостной стены, ощущаем ее одиночество и ожидание вестей о муже. И верим художнице, которая умело наделяет своих героев то «величавой статикой, как в деревянной скульптуре»,³² то экстатической динамикой. Впрочем, Н. С. Гончарова, даже создавая театральные костюмы, предпочитала облекать ими подвижные фигуры (см. рис. 22 и 23).

Чем же объяснить, что Н. С. Гончарова, приславшая в Пушкинский Дом в 1922 г. иллюстрированные ею книги, не нашла возможным адресовать туда же и «Слово о полку Игореве», выпущенное годом позднее? Едва ли настолько резко изменилась тогда общая ситуация. Дело скорее всего в том, что до 1932 г. в Пушкинском Доме еще не было систематических занятий древнерусской литературой.³³ Вот почему, по-видимому, художнице не пришло в голову направить (вслед за «Сказкой о царе Салтане» и сборником стихов В. Парнаха, поэмой А. Блока «Двенадцать») свою новую оригинальную работу в области книжной иллюстрации, отчего она осталась почти неизвестной или незаслуженно забытой на долгие десятилетия. Самым лучшим способом возродить интерес к этой серии Н. С. Гончаровой представляется факсимильное воспроизведение книги.

³¹ Цветаева М. И. Наталья Гончарова. Жизнь и творчество. С. 199—200.

³² Определение Н. Гурьяновой (Военные графические циклы Н. Гончаровой и О. Розановой // Панорама искусств. М., 1989. Вып. 12. С. 63—88).

³³ Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.). К 55-летию Отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52.